

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39

ДАГЕСТАНСКАЯ ДИАСПОРА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ТУРЦИИ

Магомедханов М.М.
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

mkhan@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе анализа письменных и полевых этнографических материалов, собранных в Турецкой республике, исследованы трансформации в культуре и быте дагестанской диаспоры, образовавшейся в основном в середине XIX в. По заключению автора полутороевекое отчуждение дагестанцев от исторической Родины предопределило перспективы их натурализации в турецком обществе.

Summary: Basing on the analysis of written and field ethnographic materials collected in the Turkish Republic, the author of the article researches the transformation in the culture and everyday life of the Dagestan diaspora, which was mainly formed in the middle of the 19th century. As he concludes, a one-and-a-half-century-long alienation of Dagestan people from their historical homeland determined the prospects for their naturalization and assimilation in the Turkish society.

Ключевые слова: северокавказская диаспора, дагестанская диаспора, мухаджирство, Османская империя, Турция, этническая ассимиляция.

Keywords: the North-Caucasian diaspora, the Dagestan diaspora, Muhajirship, the Ottoman Empire, Turkey, ethnic assimilation

Дагестанцы в целях освоения наук, удовлетворения духовных запросов отправлялись в города арабского Востока еще в средние века. Некоторые из них, достигнув высоких степеней в науке, оседали в таких известных центрах арабо-мусульманской культуры как Багдад, Дамаск, Каир, Мекка, Сана, Бурса, Стамбул (*Муртузалиев А.М.*, 2008).

С 1859 г. переселение дагестанцев за рубежи Родины, главным образом в Османскую империю, приобрело массовый характер. Это движение известное как «мухаджирство» было обусловлено рядом политических, социальных, религиозных факторов, подстрекательством османских эмиссаров и их пособников. Переживавшая глубокий внутренний кризис Османская империя совершенно не была готова к приему и размещению огромного количества северокавказских народов, в том числе и дагестанцев. Скудность финансовых и материальных ресурсов Порты, бесконтрольное расхищение чиновниками даже тех ограниченных средств, которые выделялись правительством для обустройства переселенцев, безразличие к их проблемам и нуждам властей на местах стали причиной массовой гибели северокавказских мухаджиров от голода, лишений и вызванных непривычными климатическими условиями эпидемий на начальном этапе переселения. Эта трагическая страница в истории народов Кавказа освещена не только в исторических трудах, но и нашла свое отражение в литературных произведениях кавказских и турецких авторов. Не просто складывалась судьба дагестанских иммигрантов в новых условиях, подавляющая часть которых была поселена в азиатской части Османской империи. На северокавказских поселенцев властями была возложена задача обороны

государственных рубежей на востоке страны в случае военного конфликта с Россией, а также жандармские функции в отношении местного нетурецкого – армянского и курдского населения.

Эмиграция дагестанцев в Турцию продолжалась и в XX в. Накануне и после установления Советской власти в Дагестане в Турции оказались царские офицеры, почти все члены правительства Горской республики. В последующем ряды диаспоры пополнили гражданские лица, вывезенные фашистами в Германию с оккупированных территорий Северного Кавказа, бывшие военнопленные-невозвращенцы и т.д.

Многие дагестанские поселения представляли в этот период замкнутые образования с ограниченным уровнем культурного и экономического обмена с внешним миром. Во многом это был сознательный выбор самих иммигрантов, обладавших более высоким уровнем социально-экономического и культурного развития по сравнению с окружающим их местным населением. Такой образ жизни дагестанских поселений обеспечивал сохранение в них в течение длительного периода элементов национального традиционного хозяйственного уклада, форм общественных отношений, культуры и языка. Полувековой период формирования дагестанской диаспоры в Османской империи был отмечен сменой привычного уклада жизни мухаджиров, адаптацией к общественно-политическим, социально-культурным и духовным реалиям, хотя и единоверных, но во многом чуждых для мировоззрения, моральных устоев, ментальности дагестанцев. (Муртузалиев А.М., 2008).

Османская империя имела этнически разнородный состав населения. На ее огромной территории турки-османы («османлы турк») составляли этническое большинство лишь в трех – четырех провинциях Анатолии. В некоторых восточных провинциях Малой Азии собственно турки составляли примерно треть населения; другие две трети были представлены курдами, армянами, лазами и другими этническими группами. В арабских провинциях Османской империи турки являлись этническим меньшинством, хотя и правящим. В европейской части империи доля турков в составе населения не достигала и десятой части.

Этнические перемещения происходили на протяжении всей истории Османской империи. Известно, например, что султан Баязит II в 1492 г. предоставил убежище бежавшим от испанской инквизиции евреям-сефардам, которые были расселены по всей империи и потомки которых сохранились в Стамбуле. Они и по сегодняшний день пользуются архаическим диалектом испанского языка. Нашли здесь прибежище и казаки, воевавшие в 1708 г. под предводительством атамана Ивана Мазепы на стороне шведского короля Карла XII против царя Петра I, а также часть запорожских казаков, которые после присоединения к России в 1775 г. Запорожской Сечи обосновались в Западной Анатолии и верховьях Дуная.

В связи с расширением российских владений на черноморском побережье Крыма число беженцев из крымских татар и ногайцев только за период с 1790 по 1800 гг. превысило полмиллиона человек. Эмиграция ногайцев в пределы Османской империи продолжалась и в период Крымской войны 1853–1856 гг., а в последующие годы, вплоть до начала XX в., носила эпизодический характер. Ногайские и крымскотатарские беженцы первой волны осели в Добрудже – провинции в пределах черноморского побережья современной Болгарии и Румынии. Во время Балканской войны 1877–1878 гг. большая часть ногайских мухаджиров была вытеснена из Добруджи в Анатолию.

Дагестанцы, как и все выходцы из Северного Кавказа, пополняли главным образом сельское население Османской империи. Хотя они и старались селиться отдельно от турков, курдов, арабов и т.д., многие поселения были этнически смешанными. В городах же могли обосноваться в основном те из мухаджиров, которые были в состоянии приобрести недвижимость или обладали знаниями и способностями, позволявшими рассчитывать на службу в государственных учреждениях или духовных заведениях.

По сообщениям наших информаторов, потомки северокавказских мухаджиров проживают в 49-ти из 68 вилайетов Турции. Населенных пунктов, основанных мухаджирами, насчитывается до девятисот, в том числе дагестанских – более ста.

Современная карта расселения выходцев с Кавказа в странах Ближнего Востока и Передней Азии, исторически входивших в состав Османской империи, в целом идентична поселенческой структуре, сформированной османскими властями со второй половины XIX – до начала XX вв.

Этническая среда, в которой оказались северокавказские мухаджеры, была неоднородной. Отметим, что самая крупная этническая группа в Турции – курды. Их численность точно не установлена. По турецким источникам их насчитывается 7 млн. человек, тогда как по оценкам европейских экспертов курдов в этой стране до 20 млн. человек.

В северо-восточной части Турции живут йезиды, последователи йезидизма – религии, в которой сочетаются элементы зороастризма, иудаизма, христианства, ислама и манихейства. Говорят они на диалекте эздики курдского языка, но курдами себя не считают. Точная численность йезидов в мире неизвестна (оценки – от 700 тыс. до 1,5–2 млн., в том числе в Турции от 10 до 100 тыс. человек). Как в Турции, так и в других странах проживания (Ирак, [Сирия](#), [Иран](#), [Грузия](#), Россия) йезиды, как правило, не поддаются ассимиляции.

Еще одна этнолингвистическая группа – это арабоязычное (в том числе христианское) население (около 400000 человек). Расселены они в Восточной Анатолии и в городе Мардин, который, по преобладающему в нем этническому элементу можно назвать арабским городом.

На восточном побережье Черного моря (провинции Риза, Трабзон), а также в городах Стамбул, Бурса, Ялова проживают лазы. Это – близкая по языку и культуре к мингрелам этническая группа грузин, принявшая ислам. В той же части Турции живут хемшилы – этническая группа армян, перешедшая в ислам. Сведения об их численности противоречивы: от 50-ти тысяч до полумиллиона чел. (лазы) и от 50 до 200 тыс. человек (хемшилы). Собственно армян в Турции проживает до 70 тыс. человек. Почти все они живут в Стамбуле. Здесь с 1461 г. существует Армянский Патриархат и не менее тридцати действующих Армянских апостольских церквей, а также Армянская католическая и Армянская евангелистская церкви с незначительным числом прихожан. Имеются армянские школы и СМИ на армянском языке.

По Конституции Турецкой республики религия отделена от государства, а ограничение свободы вероисповедания преследуется по закону. В ряде городов (Стамбул, Анкара, Измир, Бурса и др.) имеются действующие синагоги и церкви.

Определить численность современной северокавказской диаспоры за рубежом трудно, так как статистика населения по этническим группам ни в Османской империи, ни в Турецкой Республике не велась.

Другая причина кроется в процессах ассимиляции потомков северокавказских мухаджеров и, как следствие, в двойственности, неопределенности их этнического самосознания.

Общая численность выходцев из Северного Кавказа и Дагестана в пределах Османской империи может быть определена в пределах 1,5 млн. человек. Б. Хабичоглу, турецкий историк черкесского происхождения, на основе анализа материалов османских архивов установил, что за этот период с 1858 по 1907 гг. в пределы Османской империи прибыло: черкесов (в том числе кабардинцев) – 700 тыс. чел.; абхазов и абазин – 50 тыс.; ногайцев – 30 тыс.; чеченцев – 45 тыс.; дагестанцев – 20 тыс. человек (*Habichoglu B.* 1993, р. 93–94).

Если учесть, что переселения с Северного Кавказа в эту страну происходили до и после отмеченного периода, то общая оценка численности северокавказских мухаджеров в 1,5 млн. человек выглядит вполне объективной.

Относительно современной численности северокавказской диаспоры в Турции и странах арабского Востока высказывались различные мнения, хотя оценки большинства исследователей сводятся к 1,5–2 млн. человек. По полевым материалам, собранным во время экспедиционных поездок 1993–1996 гг. в районы проживания дагестанцев в Турции, общая численность наших соотечественников в этой стране составляет примерно 80–100 тысяч человек.

Турция по сравнению с другими странами мусульманского Востока постоянно реформировалась, осваивала достижения других народов в сфере экономики, техники, политической культуры.

Начавшийся со второй половины XIX в. развал Османской империи поставил как перед султанским двором, так и перед «европеизирующейся» интеллигенцией Турции, военными и духовными авторитетами проблему поиска путей сохранения и совершенствования своей государственности, политического, экономического и культурного переустройства страны.

Так, принятый в 1856 г. закон «Хатт-и-Хумайун» декларировал османским подданным равные права не зависимо от конфессиональной и этнической принадлежности. Одним из важных политических успехов движения младотурков явилось принятие 12 декабря 1876 г. Конституции, составленной лидером младотурков Мидхат-пашой, согласно которой Османская империя должна была приобрести черты конституционной монархии, с парламентом, декларациями избирательного права, равенства всех граждан перед законом и т.д.

Военные события 1877–1878 гг. были для северокавказцев трагичными. Только на Кавказском фронте русско-турецкой войны на стороне Турции воевало 21 тыс. северокавказцев. Сын Имама Шамиля Гази-Мухаммад был пожалован титулом паши и вместе с Муса-пашой Кундуховым во главе десяти тысячного войска направлен в сторону Эрзерума и Карса. Там же на российской линии фронта действовали дагестанский, кабардино-кумыкский и чеченские конные полки, горская сотня Кубано-Горского конно-иррегулярного полка.

В результате русско-турецкой войны города Карс, Артвин, Батум (договор 31 января 1878 г. в г. Эдирне и Берлинский договор 13 июля 1878 г.) отошли к России. Мухаджиры (в основном это были дагестанцы), жившие в Карском вилайете, стали подданными России.

С поражением Османской империи в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. активизировались антисултанские настроения среди младотурков. Как писал А.Ф.Миллер, «носителям буржуазно-революционных идей выступали представители турецкой интеллигенции, главным образом из среды офицерства и учащейся молодежи. По происхождению многие из них являлись не турками, а представителями других мусульманских народов империи. Начало организационного оформления турецкого буржуазно-революционного движения восходит к 1889 г., когда в Стамбуле был впервые создан тайный политический комитет под названием «Единение и прогресс» («Иттихад ве Терраки»). Его учредители – студенты военно-медицинского училища албанец Ибрагим Тема, турок Абдулла Джевдет, курд Исхак Сюкути и черкес Мехмед Решид... шпионы Абдул Хамида проведали о нем, последовали аресты, и комитет распался. Но в 1894 г. он был восстановлен при участии возвратившегося к этому времени в Турцию Ахмеда Ризы, историка Мурада, доктора Назыма и некоторых других» (Миллер А.Ф., 1983. С. 55–56).

Здесь уместно отметить, что Мурад-бей Дагъистанлы (ум. в 1917 г.) – личность широко известная в Турции. Родился он в Даргинском округе Дагестанской области. Будучи в эмиграции перевел на турецкий язык «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Мурад-бей – автор многотомной «Всемирной истории» («Тарихи Умуми») на турецком языке. Владел русским, турецким, арабским и французским языками. Являлся редактором младотурецкой газеты «Мизан» («Весы»), за что в Турции его знают под именем Мурад-бей Мизанджи (Муртазалиев А.М. 2004; 2006; 2008).

В Турции основателями и распространителями одного из наиболее почитаемого в мусульманском мире направления суфизма – накшубандийского тариката – были дагестанцы. Это шейхи Джамалутдин Казикумухский, Омер Зийауддин Дагъистани, Мухаммад и Шарафутдин из Кикюни, Омер Хулуси Дагъистани, один из последних шейхуль-исламов в Османском государстве, Мехмед Загид Котку и др. (Магомедханов М.М., 1997; Магомеддадаев А.М., 2000, 2001; Муртазалиев А.М. 2006; Бобровников В.О., 2006; Гаджиева Л.А., Ибрагимова З.Б., 2013). Их духовное сподвижничество способствовало нравственному очищению турецкого общества, возвышению авторитета дагестанской диаспоры.

В период правления султана Абдул Хамида II (1876–1909 гг.) панисламизм и пантюркизм являлись доминирующей государственной идеологией. Но к началу XX в. идеология эта становилась тормозом в осуществление политических реформ в распадавшейся Османской империи. На политической арене страны более успешными оказались младотурки. Благодаря поддержке офицерства им удалось восстановить в 1908г. Конституцию, а в 1909 г. свергнуть Абдул Хамида II.

Крах Османской империи в Первой мировой войне и реальная угроза существования самой государственности турецкого народа были результатом недальновидной политики как османских правителей, так и младотурков.

Как писал академик В.А. Гордлевский, «после революции и восстановления Конституции искусственно придавленные гнетом султанского режима центробежные силы стали немедленно вырываться наружу. У арабов, албанцев, черкесов, курдов – у всех национальных меньшинств Османской империи возникали политические клубы. Программа этих клубов сразу перешагнула рамки программы господствовавшей партии «Единение и прогресс», мечтавшей об «османизации» граждан – попросту о каком-то добровольном отказе от национальных прав в угоду туркам. А

«инородцы» требовали другого – федерации как единственно приемлемой формы государственного устройства» (*Гордлевский В.А.*, 1962. С. 81).

В годы Первой мировой войны разорение и огромные людские потери пришлось именно на те провинции Анатолии, в которых были расселены северокавказские мухаджеры. В Стамбуле, Ялова, Измире хозяйничали англичане, в юго-западных вилайетах совершали вооруженные налеты против местных ополченцев греки, от Адана до Кайсери действовали французы, Карс, Эрзерум, Муш, Битлис находились в руках России.

Негативно отразились на жизни дагестанской диаспоры и внутривосточные проблемы Турции.

Если оппозиция курдов и армян к власти и их неприязнь к туркам были очевидными, то положение северокавказских мухаджеров было сложным. Сохраняя верноподданство османским властям, им приходилось всячески избегать конфронтации с курдами и армянами.

В Османской империи султан считался халифом всех мусульман, а под турками («тюрклер», тюрк.) подразумевались все тюркоязычные народы от Алтая до Дуная. Младотурки, хотя и придерживались принципов «османства» («османлык»), все же стали осознавать приоритет собственно турецких интересов, турецкого языка. Как писал азербайджанский просветитель, лидер партии мусаватистов М.Э. Расул-заде, панисламизм стал приобретать черты исламизма, а пантюркизм (пантюранизм) – черты тюркизма. По его словам, «вся система общественной идеологии уже переходила от религиозной системы исламизма на национальную систему тюркизма» (*Расул-заде М.Э.*, 1985. С. 66). Интеллектуальное обеспечение этого перехода осуществляли большей частью татары и кавказцы: Юсуф Акчура, Ахмед Агаоглу, М. Э. Расул-заде, Абдурешид Ибрагим, Хусейнзаде Али, Айаз Исхаки, Халит Сабит, Мурад-бей Мизанджи Дагъистани, Акдес Нимет Курат, Решит Рахмети Арат, Садри Максуди Арал, А. Зеки Велиди Тоган, Ахмед Джафероглу и др.

В просвещенных кругах Османской империи были распространены суждения, что папа римский является лишь духовным главой всех католиков, тогда как султан – правителем всех мусульман; что религии («Дин») и мирская жизнь («Дунья») – это разные вещи; что нецелесообразно в одном лице совмещать роли султана (халифа всех мусульман), законодателя и командующего войсками; что нужно придерживаться принципа «Лаик» (отделения религии от государства) и т.д. В качестве альтернативы панисламизму – главной идеологической опоре «Халифа всех мусульман» предлагались идеи тюркизма.

Апологеты тюркизма утверждали, что султанский двор из «Дару-ль-Ислам» (Дворец Ислама) превратился в «Дару-ль-Харб» (Дворец войны), что вместо заботы о процветании Анатолии и турков, султан истощает страну объявлениями джихада и газавата.

Однако идеи тюркизма были малопонятны простым гражданам Турции. В их сознании мало что менялось. Об этом, например, красноречиво свидетельствует рассказ М.Э. Расул-заде о турецком паше, которому трудно было заставить аскера-турка называть себя тюрком, а не мусульманином: «К какой нации принадлежишь ты Мамед, – спросил однажды паша своего денщика. – Слава богу, мусульманин! – последовал ответ Мамедчика. – Но Ислам – это религия, а я спрашиваю тебя, к какой ты нации принадлежишь? – Я мусульманин, повторил аскер. Паша стал объяснять, что нация определяется не религией, а языком, и что язык у Мамеда тюркский, и что Мамед по национальности турок. Мамедчик недоумевал. – Да, Мамедчик, не удивляйся, ты являешься тюрком, таким же как я. – Боже упаси, да как это возможно, чтобы мой паша был тюрком, – разочарованно ответил Мамедчик» (*Расул-заде М.Э.*, 1985. С. 68–69).

Северокавказская диаспора отчетливо осознавала свое отличие от основной массы населения Османской империи по обычаям, психологическим, нравственным и иным качествам.

Сознание собственного достоинства помогало северокавказским мухаджерам выживать в самых проблемных провинциях Османской империи. Именно в конфликтные провинции и селила османская власть своих новых подданных с Северного Кавказа (*Мусаева М.К., Магомеддаев А.М., Курбанов М.Ю.*, 1999; *Алиев Б.Р.*, 2001; *Абдулаева М.И.*, 2006). По рассказам информаторов старшего поколения, ценой лишений и потерь мухаджерам приходилось противостоять превосходящим по численности вооруженным формированиям местного друзского, бедуинского, курдского и другого населения, враждебно настроенного не только к османам, но и к неожиданно появившимся на их исконных землях кавказцам.

Кардинальные изменения в жизни турецкого общества связаны с кемалистской революцией и реформами Ататюрка. Центром кемалистской революции, ее опорой были города Эрзерум, Сивас, Токат, т.е. провинции, в которых северокавказцы составляли значительную часть населения.

Как признают турецкие историки, опорой младотурков в национально-освободительной войне («Истиклал Саваш») 1918–1923 гг. являлись северокавказцы. Известно, что решающие события в этой войне разворачивались в Сивасе – провинции с преимущественно северокавказским населением. Напомним также, что традиционно многие северокавказцы, и в том числе дагестанцы, занимают в высокие посты в турецкой армии.

Советская Россия поддерживала дружественные отношения с кемалистской Турцией. Министр иностранных дел правительства Бекир Семибей (сын Мусы Кундухова) возглавлял турецкую делегацию на переговорах в Москве в июле 1920 г. Им же был подписан Московский Договор о дружбе и братстве между Советской Россией и Турцией от 16 марта 1921 г.

Согласно этому договору за Турцией оставались округа Карс, Ардаган, Артвин, входившие до 1918 г. в состав России. По тому же договору жителям названных округов предоставлялось «право свободно покинуть Турцию, взяв с собой свои вещи и свое имущество или их стоимость». Заключенный через полгода (13 октября 1921 г.) Карсский договор о дружбе между Турцией и закавказскими республиками специально оговаривал льготы, облегчавшие переход границы. До 1918 г., и в начале 20-х гг. в этих округах, особенно в Карее, жило много дагестанцев. Вплоть до 1924 г., горцы Дагестана занимались отходничеством в Карс, также как, например, в Баку, Грозный или Владикавказ. Среди отходников в Карс были и те, которые, подзаработав денег, имели в виду вернуться домой в семьи до осени, ко времени убоя скота для вяления. Как рассказывали нам пожилые соотечественники в Турции, «с переходом границы до смерти Ленина особых сложностей не было. Поэтому жившие там еще со времен царской власти не спешили возвращаться в Дагестан, а те, которые прибыли после 1918 г. намеревались вернуться на Родину, как только поправят свое материальное положение. И тем, и другим замкнул границу Сталин». В результате десятки мужчин-отходников оказались в полной изоляции от оставшихся в Дагестане семей, родственников.

О преобразованиях в Турции, осуществленных после провозглашения Атаатюрком республики существует огромная литература. Мы же ограничимся упоминанием только тех реформ, которые наиболее сильно сказались на социальном самочувствии и культурном облике северокавказской диаспоры.

С установлением республиканского строя в Турции были провозглашены не только демократические свободы, но и введены определенные ограничения. Так, в марте 1924 г. было ликвидировано Министерство по делам религии и вакуфов, закрыты все медресе, теке, суфийские ордена и братства, шариатские суды. В 1925 г. было отменено ношение фески. В 1928 г. из Конституции было исключено положение о том, что государственной религией Турции является ислам, и тем самым закреплён принцип лаицизма. «Духовную одежду» было запрещено носить неофициальным духовным лицам, а затем (в 1934 г.) и официальные духовные лица могли носить ее только при исполнении службы. Азан (призыв к молитве) велено было произносить только на турецком языке. Выходным днем была объявлена не пятница, а воскресенье.

1 ноября 1928 г. турецкая письменность была переведена с арабской графики на латиницу. Реформы коснулись и демократизации процесса образования, расширения прав женщин и т.д. Наряду с тем, состоявшийся осенью 1922 г. в Анкаре съезд компартии был разогнан, а ее члены посажены в тюрьмы. В 1925 г. была разогнана и оппозиционная Прогрессивно-республиканская партия, а в 1926 г. младотурецкий комитет «Единение и прогресс». Как и в СССР, в Турции существовала однопартийная система во главе с вождем. Шесть стрел на эмблеме Народно-республиканской партии означали: республика, национализм, народность, этатизм, лаицизм, революционность. 10 ноября 1938 г. Мустафа Кемаль Атаатюрк умер и 11 ноября президентом Турецкой республики стал Исмет Иненю.

Турции удалось избежать прямого участия во Второй мировой войне. Однако реальная угроза быть втянутой в войну заставляла ее «держаться порох сухим». Милитаристская агитация, как и пантюркистская организация «Бозкурт» («Серый волк») были легализованы.

Не вдаваясь в подробности динамики социально-политической жизни Турецкой республики, заметим, что авторитет вооруженных сил в этой стране традиционно очень высок. Северокавказцы составляют значительную часть офицерского и высшего командного состава турецкой армии. Напомним, что военные в Турции трижды (27 мая 1960 г.; 12 марта 1971 г.; 12 сентября 1980 г.) приходили к власти.

Надо сказать, что современная общественная жизнь в Турции достаточно политизирована. Вопросы межэтнических отношений, в том числе в сфере культуры, регламентируются Конституцией (новая Конституция принята 7 ноября 1982 г.). Так по ст. 66 «каждый, кто связан

узами гражданства с турецким государством – турок): «Ребенок от отца турка или матери турчанки – турок». По ст. 24 «обучение и преподавание религии и морали осуществляется под надзором государства». Ст. 120 гласит: «Никакой иной язык, кроме турецкого, не может преподаваться турецким гражданам в общеобразовательных учебных заведениях в качестве родного языка». В Конституции содержится и ряд статей, признающих этнический сепаратизм вне закона.

В последние годы большое место отводится и религиозному воспитанию. Наряду с множеством религиозных школ, в 26-ти ВУЗах страны действуют богословские факультеты. Кроме того, Турция является одной из ведущих стран по части подготовки духовных лиц для мусульман Средней Азии, Поволжья, Кавказа. Отметим также, что в Турции функционирует ряд северокавказских культурно-образовательных фондов, таких как фонд Шамиля (в Стамбуле), «Дагестан» (в Анкаре), «Кавказ» (в Ялова, городе-побратиме Махачкалы), «Кузей Каф-касийа» (в Стамбуле и филиалы в городах Бурса, Измир, Кайсери, Гёк-сун) и др.

Эти фонды работают над установлением культурных, спортивных, деловых и личных связей с соотечественниками, живущими на исторической Родине.

О ситуации в Дагестане турецкие дагестанцы имеют представление не только из побочных источников, но и из опыта пребывания на исторической Родине по ностальгическим мотивам, с целью поиска родственников, налаживания деловых связей и т.д.

По нашим наблюдениям, в массе своей дагестанцы в Турции заняты интеллектуальным трудом или находятся на военной или государственной службе. Примерно пятая часть (в основном пожилые люди) – сельские жители. Значительна среди них и доля лиц, занятых ремесленничеством (примерно 10 процентов трудоспособного мужского населения). Есть среди дагестанцев и имеющие свое дело в легкой промышленности, строительной и текстильной индустрии.

В наше время определяющими социально-культурный облик дагестанцев в Турции показателями являются их ориентация на получение высшего образования, на реализацию своих способностей в сфере материального и духовного производства, на повышение социального статуса, на городской образ жизни или на городские удобства в селе, на зажиточную и комфортную жизнь.

Этническая замкнутость, консервативность для дагестанцев если и характерны, то главным образом в сфере брачно-семейных отношений. В других сферах жизни они коммуникабельны, любознательны, дорожат межличностными связями, дружбой, гостеприимны. Все эти свойства существенно облегчали адаптацию наших соотечественников на новом месте. Вместе с тем, для освоения новой государственно-политической и этнокультурной действительности, новых социально-экономических порядков и правовых норм, иной нравственной атмосферы требовались прилежание, трудолюбие, человеческий такт.

Урбанизация в Турции за последние два десятилетия набрала столь высокие темпы, что она в одних случаях буквально «смела» сёла, в других – придала сельским поселениям городской облик. В сельской местности живет менее пятой части дагестанцев.

В этой связи показателен пример аварского селения Учтепе (р-н Йылдызели в Сивасе). Оно было основано в 1895 г. аварцами, выходцами из хунзахских сел. По рассказам жителей этого села, еще недавно с. Учтепе относилось к экономически и демографически перспективным селениям вилайета Сивас. В селе каждая семья имела достаточно обширные земельные наделы, сенокосы и пастбища, находившиеся в общественном пользовании. Это позволяло им специализироваться на производстве товарного зерна и, отчасти, продукции животноводства. Содержали они и табун лошадей. Территория (примерно 2000 га), принадлежащая селу, пересечена речкой, что для здешних маловодных мест имеет важное хозяйственное и жизненное значение. Имея в виду крепкое экономическое положение села, наличие в нем достаточного числа образованных людей, администрация Йылдызели в 1960-е гг. построила здесь «участковую» больницу на полсотни коек и школу-интернат на базе местной средней школы. Словом, село должно было стать центральным для окружающих поселений. Однако урбанизация внесла в эти проекты свои коррективы: темпы переселения в города и в Европу (многие обосновались в Германии и забирают туда свою родню) постоянно растут. В настоящее время с. Учтепе осталось всего около 25-ти семей, в основном пожилые люди. Многие продали свои пашни предприимчивым родственникам или односельчанам, другие ежегодно сдают свои земельные наделы им же в аренду.

Аналогичные процессы в той или иной мере характерны для всех северокавказских поселений в Турции.

В последние три десятилетия в связи с миграцией населения в города многие села мухаджиров обезлюдели. Так, по рассказам наших информаторов, в провинции Кайсери из примерно 70-ти северокавказских селений к настоящему времени осталось менее полсотни. Молодежь, как правило, перебирается в города. В провинции Ялова, например, поселения дагестанских мухаджиров, еще лет 15 тому назад располагавшиеся в окрестностях административного центра этой провинции, курортного города Ялова и сохранявшие дагестанский колорит в сельском быту, сегодня совершенно слились с городом. Та же ситуация сложилась с северокавказскими поселениями в провинциях Карс, Токат и др.

С переселением из села в город родители надеются обеспечить своих детей более комфортными условиями жизни, дать им высшее образование, найти престижную работу и т.д. Из рассказов информаторов, среди причин, побуждающих к переезду из мест, обжитых еще при османской власти, в другие части страны немаловажной является беспокойная политическая обстановка в вилаятах с преимущественно курдским населением (Муш, Битлис и др.).

Дисперсность расселения, ограниченные возможности воспроизводства в поколениях этнокультурного облика, официальная политика, по которой «в Турции живут турки», все это привело к тому, что процессы натурализации и ассимиляции северокавказцев в целом, и дагестанцев, в частности, приобрели необратимый характер. Несмотря на естественные в этой связи переживания, наши соотечественники осознают, что при той социально-политической и этнодемографической ситуации, в которой они оказались (дисперсное расселение, высокая степень урбанизации, отсутствие реальных возможностей для воспроизводства этнокультурных ценностей), остановить этот процесс невозможно. В этих условиях единственным способом актуализации диаспорой своей самобытности, «дагестанскости» остаются социальное самоутверждение, достижение престижных позиций в сфере материального производства, образования, науки, государственной и военной службы. Примечательно то, что дагестанцы успешно реализовывали традиционно присущую им тягу к знаниям, к мастерству, к творческому труду. Им доверяли в Турции самые высшие государственные посты и должности. Многие из них достигли высоких позиций в военной и социальной иерархии Турции.

Важным компонентом самосознания дагестанцев в Турции является отношение к Дагестану. Оно заключается не только в ностальгической любви к родине предков, но и в переживаниях о его сегодняшнем состоянии. Естественно полагать, что среди дагестанской диаспоры в Турции есть люди разных взглядов и убеждений. Они не равнодушно воспринимают прошлое, настоящее и будущее исторической Родины. Одни из них считают, что в связи с переходом дагестанцев в Турции на турецкий язык, а в России на русский, и тем другим целесообразно, во избежание всеобщей ассимиляции, перейти на «мусульманский», турецкий язык. Другие, наоборот, считают, что нужно приложить все усилия для сохранения каждого из дагестанских языков. Один из главных идеологов северокавказской и дагестанской общины в Турции, содержатель и главный редактор журнала «Кузей Кафкасийа» (Северный Кавказ) РасихСаваш (аварец), говорил нам, что Дагестан – относительно небольшая страна, и что отсутствие языкового единства является причиной многих проблем. По его словам, будущее Дагестана перспективно при стремлении «к трем единствам»: единый дагестанский народ («Дагъистанлилер»); единый дагестанский язык («Дагъистанча»), который должен быть создан учеными и интеллигентами на основе сходных элементов всех дагестанских языков; единое дагестанское государство («Дагъистан мемлекет»).

Угроза утраты языка в ближайшей перспективе – это одна из самых остро переживаемых и часто дискутируемых активистами диаспоры проблем. Многие понимают, что даже в селах, которые год от года становятся безлюдными из-за миграции населения в города, родной язык может быть полностью вытеснен из употребления языком турецким. В настоящее время на родных языках даже в селах общаются немногие, а через несколько лет лиц, владеющих им, может вообще не быть.

Каковы бы не были этноязыковые ориентации наших соотечественников, как бы они не стремились сохранить свой язык, свою самобытность, объективные условия, в которых они находятся, детерминирует только один этнический процесс – ассимиляция.

По нашим наблюдениям, разговорная речь авароязычной диаспоры имеет отличительные от аварского литературного языка фонетические и смысловые особенности. При общении с ними возникает ощущение «смещения» исторического времени. Их язык напоминает язык аварской литературы XIX в.

Как известно, языковые явления и процессы имеют свои внутренние детерминанты развития. Свидетельство тому – устойчивое сохранение в языке диаспоры русизмов: бошкIа (ср.: бочка), пунт (бунт), галосал (галоши), завут (завод), закон, инарал (генарал), истикан (стакан), казарма, камера (только в значении фотокамера, фотоаппарат), капек (копейка), кIапIли (капли) (используется только применительно к лекарству), карват (кровать), катушка (картошка), лампа (в словосоч. «лампа чирахъ»), матIушка (матушка), папирус (папироса, поч (почта), печ (печь), салдат (солдат), самовар, пабрика (фабрика) и др. Понятно, что все эти слова были заимствованы нашими соотечественниками до их переселения в Турцию. Надо сказать, что население дагестанских селений, расположенных в районе Мраморного моря, формировалось не только из аварцев, хотя они и составляли основную массу. Не случайно наши соотечественники в Турции селение Гюней-кой называют «ГьитIинаб Дагъистан» (Малый Дагестан). В этом и близлежащих селах (Эсадийе, Султанийе, Чифтлик) общим языком для всех выходцев из Дагестана являлся и остается «болмацI», составивший основу аварского литературного языка. Однако у себя дома жители названных сел обычно общались на «своем» (даргинском, кумыкском и т.д.) языке или на том или ином диалекте или говоре аварского языка. Известно, например, что в семье сенатора Эманулла Челеби «домашним» языком был тиндинский, в семье НурмегьметаХазер (генерал в отставке, паша, руководитель образовательно-культурного фонда Шамиля в Стамбуле) – каратинский, и т.д. В Гюней-койе мы встречали семьи, в которых говорили на цудахарском, акушинском диалектах, кадарском говоре даргинского языка. Но в сельском быту все они общались на общепонятном аварском языке «болмацI», который жители Гюней-койа часто и сознательно называют «Дагъистан мацI».

Еще лет тридцать назад молодое поколение дагестанцев осваивало турецкий язык в основном в школе. Как сказал уроженец этого села, потомок мухаджиров из селения Согратль, брат известного в Турции генерала Мехти-Паша Сунгура, Абидин Сунгур, «я никогда не называл свою мать «анне», а называл только «эбел».

В наши дни, за исключением селений Учтепе и отчасти Гексуна в провинции Кахраман-Мараш, некоторых аварских семей, живущих в провинции Муш, во всех ситуациях общения употребляется в основном турецкий язык.

Кумыкская диаспора не ощущает особых различий между кумыкским и турецким языками, хотя самосознание у кумыков выражено не меньше, чем у остальной части дагестанской диаспоры. Села кумыков расположены в провинциях Токат, Сивас, Чанаккале. Их численность – не менее 5-ти тысяч человек. На свадьбах исполняются дагестанские танцы, кумыкские мелодии, сохраняются некоторые семейные традиции. В местах дисперсного проживания кумыков (села Тандирли и Багъларбаши в вилайете в Токат, Эсадийе в вилайете Ялова, Йагъжилар в вилайете Муш) родной язык почти не сохранился.

Среди лезгин родным языком хорошо владеют старшее и среднее поколения, а молодежь владеет им в достаточной для элементарного общения степени.

Аналогичная ситуация и среди дидойцев, которые известны в Турции как «ЦунтIал». Живут они в провинциях Токат и Сивас (примерно 300 домов). Лишь пожилые дидойцы знают цезский и аварский языки.

Расселенные отдельными селениями или анклавами от провинции Муш до побережья Мраморного моря дагестанцы имели весьма ограниченные возможности для сохранения на чужбине взаимной солидарности, этнокультурных характеристик и широкого поля межэтнических контактов практически со всеми из перечисленных выше этнических групп Турции.

Относительно малочисленная дагестанская диаспора пыталась спланироваться не только по этническому признаку, но и как дагестанцы. Известно, что дагестанская идентичность особенно ярко выражается тогда, когда дагестанцы оказываются за пределами Дагестана.

В Адане (иль Османие) одно из аварских сел называется Дагъистан. В г. Балыкесир имеется аварский квартал «Дагестанлы»: в Измире (иль Киник) – лезгинское село «Дагъистан-Меджидие». Примечательно, что селение Гюней-кой все турецкие дагестанцы называют «Малый Дагестан».

Ревностное отношение к собственной репутации, основанной на понятиях традиционной морали, лояльное отношение к существовавшей власти позволили дагестанцам сохранить свою

самобытность и заслужить достойное положение в турецком обществе. Относительно малочисленные и разрозненно расселенные группы дагестанцев могли выживать в непривычной или часто враждебной среде благодаря своей сплоченности. Терпеливым отношением к тем, с кем волею судьбы им пришлось соседствовать, неприятием нечестности и насилия, строгим соблюдением религиозных, моральных предписаний они заслужили репутацию народа благородного, отважного и преданного той стране, в которой живет.

Объективные возможности для воспроизводства этнокультурных свойств в условиях резко изменившихся в Турции за последние три десятилетия социально-культурной среды, государственной и общественно-политической системы практически не могут быть реализованы. Временные демографические «резервы» этнического меньшинства в противостоянии с всеобщими процессами ассимиляции оказались ограничены.

Полуторавековое отчуждение дагестанской диаспоры от ее исторической Родины, отсутствие реальных условий для культурной самоорганизации, предопределило перспективы этнокультурного самосохранения дагестанцев в Турции, лишило их иной альтернативы, кроме интеграции и ассимиляции в турецком обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII– XIX вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 180 с.

Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: История и современность (вторая половина XIX–XX вв.). Махачкала: Новый день. 2001. – 296 с.

Бобровников В.О. «Малый Дагестан» под Стамбулом: северокавказские суфии и святыне места в Турции // *Turcica et Ottomanica: Сборник статей к 70-летию профессора М.С. Мейера.* М.: Восточная литература, 2006. С. 150–163.

Гаджиева Л.А., Ибрагимова З.Б. Воспоминания Али Уста о шейхе Шарапуддине Кикунинском как источник по истории дагестанского мухаджирства конца XIX – начала XX вв. // *Вестник Института истории, археологии и этнографии.* . 2013. № 4 (36). С. 41–46.

Гордлевский В.А. Избранные сочинения. История и культура. М.: Изд-во вост. лит., 1962. Т. III. – 584 с.

Магомедханов М.М. Дагестанцы в Турции. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. 1997. – 180 с.

Магомеддадаев А.М. (составитель). Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (Сборник документов и материалов). Книга I-II. Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. – 436 с.; 2001. – 210 с.

Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. – 281 с.

Мусаева М.К., Магомеддадаев А.М., Курбанов М.Ю. Дагестанская диаспора в Турции (Историко-этнографические очерки). Махачкала: ДНЦ РАН. 1999. – 232 с.

Муртазалиев А.М. Историческая и социально-культурная характеристика дагестанской диаспоры в Турции (вторая половина XIX – начало XX века)// *Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию Г.Г. Гамзатова.* М.: Наука, 2008. С. 754–761.

Муртазалиев А.М. Писатели дагестанского зарубежья: Биобиблиографический справочник. Махачкала: «Эпоха», 2006. – 102 с.

Муртазалиев А.М. Творчество Мурадбея Мизанджи (Х.-М. Амирова) в контексте литературы дагестанской диаспоры Турции (вторая половина XIX – начало XX вв.). Махачкала: Эпоха. 2004. – 318 с.

Расул-заде М.Э. О пантуризме: В связи с кавказской проблемой. Оксфорд. 1985. – 124 с.
Habichoglu B. Kafraşiyadan Anadoluya Göçler. İstanbul: Nart Yayıncılık, 1993, 192 s.